

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

К. С. Худин

ПАЦИЕНТЫ В РОССИИ XVII ВЕКА: ОТ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ К СОЦИАЛЬНОЙ ИС- ТОРИИ

DOI: 10.32608/1607-6184-2023-30-1-282-302

Аннотация: Статья посвящена новому взгляду на социальную историю медицины глазами пациентов, а не только врачей. Такое видение не получило еще достаточного распространения на материале России раннего Нового времени, хотя сама концепция была предложена британской историографией еще в 1980-е гг. В статье рассматриваются документы Аптекарского приказа, использование которых позволило увидеть, что круг потребителей медицинских практик в России XVII века значительно шире, чем сообщают другие источники. Кроме того, такой подход выявляет вертикальные и горизонтальные каналы коммуникации между пациентами, через которые осуществлялся трансфер европейского медицинского знания внутри русского общества. В статье ставятся исследовательские вопросы, необходимые для дальнейшего изучения (с применением количественных методов) социального портрета русских пациентов XVII в.

Ключевые слова: социальная история медицины, история повседневности, трансфер знания, история раннего Нового времени, XVII век, Россия, Аптекарский приказ.

Keywords: social history of medicine, Alltagsgeschichte, transfer of knowledge, Early Modern history, Seventeenth century, Russia, Apothecary Chancery.

«НЕВИДИМЫЕ» ПАЦИЕНТЫ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ОПТИКИ

В 1985 г. британский историк Рой Портер опубликовал статью, озаглавленную: «Взгляд пациента. История медицины “снизу”»¹. В ней он обозначил историографический поворот в истории

¹ Портер. 2008 [Porter. 1985: 175–198].

медицины: от истории врачей к истории пациентов². Однако в российских исследованиях на материале допетровской России такой смены исследовательской парадигмы еще не произошло³.

Несмотря на то, что большинство русских людей XVII в. пользовались традиционными методами знахарского лечения, появились первые пациенты, оказавшиеся на перекрестке двух культурных медицинских практик: народной и «официальной» европейской – они в их жизни тесно переплетались, и одна проступала сквозь другую. Как в капле воды высвечивает эти пересечения случай смертельной болезни боярина Б.И. Морозова – воспитателя царя Алексея Михайловича, второго человека в государстве. Сначала он безуспешно («я положил на волю Божию и стану-ж принимать как меня Бог наставит»⁴) принимал сваренные в молоке коренья⁵ от «своего человека», тягльца⁶ московской Хамовной слободы (австрийский путешественник барон А. Мейерберг⁷, бывший в тот момент в Москве, и вовсе называет его «одним деревенским знахарем⁸»), а затем обратился к помощи врачей⁹ Аптекарского приказа. К сожалению, они тоже не смогли помочь ему, и он умер спустя полтора месяца¹⁰.

Изучение пациентов как социальной группы не ограничивается исключительно историей медицины, но позволяет рассмотреть исторические процессы в рамках социокультурной истории. Кем были люди, обращавшиеся за медицинской помощью к врачам-

² Подробнее об этой дискуссии см.: *Михель*. 2009: 305–306.

³ См. напр.: *Медведь*. 2017. Вопреки заглавию, работа посвящена не пациентам, а деятельности врачей, что отражено в подзаголовке.

⁴ Цит. по: *Новомбергский*. 1905: 12.

⁵ Многочисленные примеры растений, сваренных в молоке см.: *Инполитова*. 2008: 96, 175, 193, 264, 267, 291–293, 295, 297, 359, 360, 363, 384, 392, 402, 415–416.

⁶ Тяглец – горожанин-ремесленник, в Хамовной слободе занимавшийся текстильным производством, который к тому же мог подрабатывать торговлей. См. подр.: *Снегирева*. 1956: 82, 90.

⁷ *Мейерберг*. 1874: 52.

⁸ О знахарях-крестьянах см. напр.: Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. 2010: 318–323.

⁹ Такого термина в XVI–XVII вв. не существовало. В настоящей статье мы используем его в значении собирательном, для обозначения различных категорий медицинских служащих Аптекарского приказа разного статуса и компетенции: докторов, аптекарей, лекарей и пр. Подробнее об их различии см. далее в тексте статьи.

¹⁰ *Худин*. 2017: 389.

иностранцам в Аптекарский приказ? Какими были их социальный статус и такие демографические характеристики, как пол и возраст? Какие культурные и социальные связи привели их в Аптекарский приказ и к европейской медицине, и кто был культуртрегером для них? На эти вопросы можно ответить, рассматривая пациентов как социальную группу и анализируя групповые характеристики их социального портрета: половозрастные, статусные, профессиональные и иные.

В настоящее время появляются просопографические базы данных, в которых пациенты осмысливаются как группа, внутри которой выделяют те или иные слои, или, страты, связанные с полом, возрастом, социальным статусом и прочим. Примером такого проекта может служить база данных английских пациентов, созданная в Кембридже на материале рецептов первой половины XVII в.¹¹

В 2006 г. Сабина Думшат реконструировала биографии врачей Аптекарского приказа и выпустила в свет словарь-справочник, посвященный им¹². Пациенты же до сих пор остаются за рамками изучения по вполне объективным причинам.

Во-первых, в отличие от врачей, обладавших определенной корпоративной общностью¹³, пациенты, как правило, не осознавали себя такой группой, по крайней мере – не артикулировали этого. Такой артикуляцией могли бы стать коллективные прошения, но их пока найти не удалось. Списки людей, получавших лекарства безденежно, которые составляла приказная бюрократия (т.е. внешние акторы по отношению к самим пациентам), не могут свидетельствовать об их групповой идентичности. Все вышесказанное тем не менее нисколько не мешает самому исследователю объединить пациентов в *номинальную* социальную группу в рамках решения своих исследовательских задач, так же как это делали приказные служащие для решения своих управленческих задач. Такое объединение необходимо, чтобы выявить групповые признаки людей, обратившихся за медицинской помощью.

Вторая причина, препятствующая изучению пациентов как

¹¹ Электронная база данных Кембриджского Университета «The Casebooks Project». URL: <https://casebooks.lib.cam.ac.uk/> (дата обращения: .20.04.2023)

¹² *Dumschat*. 2006.

¹³ Хотя и не настолько выраженной в России, как в европейских странах, где они объединялись в различные гильдии и сообщества.

социальной группы, связана с сохранностью источников. Дело в том, что практически отсутствуют письма, дневники и мемуары русских пациентов XVII в., так что приходится оперировать информацией, полученной опосредованно – через документы, составленные другими людьми или государственными учреждениями. Некоторые сведения о пациентах мы узнаем из судебных дел, которые, как правило, касаются споров об оплате услуг¹⁴. Однако эти документы и сведения в них о пациентах весьма разрозненны. Источники же Аптекарского приказа позволяют выявить широкий круг пациентов.

АПТЕКАРСКИЙ ПРИКАЗ: ВЗГЛЯД НА ПАЦИЕНТОВ СКВОЗЬ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО

История Аптекарского приказа привлекает к себе внимание ученых со всего мира, среди них К. Гриффин¹⁵, Р. Королофф¹⁶ и Э. Левин¹⁷. Аптекарский приказ выполнял ряд особых, не свойственных другим ведомствам функций – как связанных с медицинской сферой, так и выходявших далеко за ее пределы. Это учреждение занималось не только охраной здоровья царя, его семьи и приближенных, но и более широким кругом задач: от заготовки сырья для производства медицинских препаратов до осмотра пациентов и продажи лекарств. Служившие там врачи – представители Великобритании, Голландии, немецких княжеств и западнорусских земель, а также французы, греки, евреи и др. осуществляли трансфер европейской культуры в русское общество XVII в. через медицинские практики.

Архив Аптекарского приказа – один из немногих комплексов учреждений России XVII в., сохранившийся в относительной целостности¹⁸. Делопроизводство большинства приказов или погребено, или дошло до нас в достаточно хаотичном состоянии. Этот ар-

¹⁴ РГАДА. Оп. 3. Д. 3, 8. См. также: Худин. 2013: 157–167.

¹⁵ Гриффин. 2010; Griffin. 2012; Griffin. 2017.

¹⁶ Koroloff. 2016; Koroloff. 2017; Koroloff. 2018.

¹⁷ Levin. 2004; Levin. 2019.

¹⁸ Архив Аптекарского приказа в основном хранится в РГАДА в Москве, но некоторые фрагменты его делопроизводства сохранились в архивах С.-Петербурга. См.: РГАДА. Ф. 143, Ф. 396; ОР РНБ. Ф. 532, Ф. 641; НИА СПбИИ РАН. К. 116, К. 249, К. 238; РО ИРЛИ РАН. Ф. 166.

хив в виде целостного корпуса представлен лишь с сентября 1629 (7138) г. По всей вероятности, более ранняя документация погибла в пожаре мая 1626 (7134) г.¹⁹ Судя по источникам Аптекарского приказа, информация о его служащих до 1626 г. отсутствовала в архиве уже как минимум к 1645 г.: «того в Аптекарском приказе не сыскано, потому выехал <...> до московского пожара 134 году»²⁰.

Сотрудник Российской государственного архива древних актов (далее – РГАДА) Г.В. Жаринов обнаружил и опубликовал документы медицинского делопроизводства на оборотах столбцов Разрядного приказа (самый ранний из которых датируется сентябрем 1581 г.²¹), что позволило ему сделать вывод о том, что Аптекарский приказ существовал уже во времена Ивана Грозного, как минимум к началу 80-х гг. XVI в.²² Причем рецепты датируются годами, предшествующими дате появления в Москве²³ доктора Роберта Якоби, а также аптекаря Джеймса Френшама, с деятельностью которого традиционно связывают создание первой аптеки в России²⁴.

ЧЕЛОБИТНЫЕ ПАЦИЕНТОВ: ЛИЧНАЯ ПРОБЛЕМА, ОБЛЕЧЕННАЯ В ФОРМУЛУ

Сохранившиеся прошения («челобитные») лиц, обращавшихся за медицинской помощью и лекарствами в Аптекарский приказ немногочисленны, но разнообразны. Чаще всего речь идет об обращении без указания конкретной болезни. Например, бояре кн. Я.К. Черкасский и Б.И. Морозов просят без объяснения причины выдать им из царской аптеки «свороборинного»²⁵ сахару»²⁶. К сожа-

19 В 1726 г. выгорели все четыре двора Приказа Большого двorca: Житенный, Кормовой, Сытенной и Хлебной (см. *Покровский*. 1913: 13).

²⁰ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 178 (Опубл.: Матерьялы. 1881. № 207).

²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 229. Л. 27, 33об., 36 об., 40об.

²² *Жаринов*. 1994.

²³ См. рекомендательное письмо от английской королевы Елизаветы: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею. 1883: 1.

²⁴ *Рихтер*. 1814: 300–303; *Змеев*. 1887: 3; *Цветав*. 1896: 12; *Новомбергский*. 1907: 118; *Соколовский*. 1904: 20; *Лохтева*. 1980: 155. Змеев и Новомбергский также связывали появление первой аптеки с «аптекарем Матюшкой» и датировали ее 1554 г.

²⁵ В «Словаре русских народных говоров» слово «свороборина» трактуется как «растение *Rosa canina* L. (от лат. «собачья роза». – *К.Х.*), сем[ейства] розоцвет-

лению, за редкими исключениями, по самому только набору лекарственных препаратов не представляется возможным установить природу заболевания сколько-нибудь точно. Однако имеются случаи, когда просители указывают свой недуг. В самой ранней (1630 г.) сохранившейся в архиве Аптекарского приказа челобитной боярин князь И.М. Катырев-Ростовский, глава («судья») Владимирского судного приказа²⁷, просил: «для моей головной болезни из своей государственной аптеки своих государских масл»²⁸, а стольник Афанасий Боборыкин (1647 г.), отправленный сопроводить грузинского посла к нему на родину²⁹, «масл, которые от тамошних страны и от ветров годны»³⁰. Впрочем, они ему так и негодились – не доехав до Грузии, экспедиция затонула под Дербентом³¹.

Михаил Рчинов³² (1631 г.) просил о выдаче ему лекарств, сообщая в челобитной: «болен, рукою не владею»³³, а Иван Карамышев (1654 г.) – разрешить прислать к нему костоправа Аптекарского приказа Первого Петрова, чтобы лечить сломанную в походе на Смоленск ногу: «грешною мерою меня ... лошедь била и ногу мне переламила и по сех мест лежу болен»³⁴.

Среди челобитчиков мы обнаруживаем и крымского гонца

ных; шиповник». Вполне вероятно, что название этого растения было связано с его лечебными свойствами. Слово «свороб», в большинстве случаев, связано с теми или иными кожными заболеваниями: чесоткой, зудом, сыпью, золотухой и пр. См.: *Словарь русских народных говоров*. 2002: 325–326.

²⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 60.

²⁷ Стоит отметить, что челобитная датируется 18 февраля 1630 г., тогда как в указанном справочнике И.М. Катырев-Ростовский назван судьей Владимирского судного приказа только с 14 марта этого года. См.: *Лисейцев, Рогожин, Эскин*. 2015: 184. Можно предположить, что в момент обращения в Аптекарский приказ он еще не получил этого назначения. См.: *Русский биографический словарь*. 1897: 561.

²⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 22.

²⁹ РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1647 г. Д. 2.

³⁰ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 37.

³¹ РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Л. 18об.

³² Судя по всему, это дворянин московский и стрелецкий голова Михаил Федорович Рчинов. См.: *Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в московском сенатском разрядном архиве*. 1853: 361.

³³ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 55.

³⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 156.

Ханкула (1645 г.), который истребовал на Посольский двор лекаря для лечения «у ног озноба»³⁵, и русского воина Кузьму Пазненкова из г. Козлова (1648 г.), умолявшего дать ему лекарства, потому как он был ранен и взят в плен в Крыму (1645 г.), где перенес мучительную и неудачную операцию по извлечению осколка стрелы³⁶. Другой пленный – из г. Торопца Степан Богданов сын Татаринов, просидевший в польском плену 46 недель «в чепи и в железках», просил выдать ему денег, потому как он «от полонского терпенья очьми обнищал, стал увечен»³⁷.

В Аптекарский приказ с челобитными обращаются и люди, близкие которых пострадали: это голландский торговец Андрей Фанаяш (1648 г.) – безутешный отец шестилетнего сына, по роковой случайности выпавшего из кареты, после чего ребенок оказался прикованным к постели³⁸; это царский псарь (1648 г.), который сопровождал царя в его поездке, а в это время, среди бела дня его дом был разграблен, а жена получила множественные ножевые ранения³⁹; это мать стольника⁴⁰, взявшая на себя расследование причин смерти сына, после его неудачного лечения⁴¹. По этим текстам удается судить об отношении частного человека к недугам и страданиям.

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАЦИЕНТОВ В РОССИИ XVII В.: ЗАФИКСИРОВАТЬ УВИДЕННОЕ

Н.Я. Новомбергский относит первое документально зафиксированное обследование пациента (или как он называет это – «экспертизу») к 1537 г., когда врач Теофил был послан к князю Андрею Старицкому, который под предлогом болезни отказывался ехать в Москву⁴².

В документах XVII в. эта процедура фигурирует под различными наименованиями: «осмотр», «досмотр», «смотрел» и пр.⁴³, что означало врачебное освидетельствование больного. Также это

³⁵ РГАДА. Оп. 1. Д. 167.

³⁶ РГАДА. Оп. 2. Д. 69.

³⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 27.

³⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 70. (Цит. по публ.: Матерьялы. 1881–1884. № 589).

³⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 100.

⁴⁰ Придворный чин рангом ниже боярского.

⁴¹ См. об это подробнее: Худин. 2013.

⁴² Новомбергский. 1907: 240.

⁴³ Словарь русского языка XI–XVII вв. 1987: 118.

слово применялось к процедуре осмотра трупов или неопознанных лекарственных препаратов, растений, либо предметов (напр., «инроговой кости» (т.е. рога единорога)⁴⁴).

Выбор царской невесты также требовал осмотра будущей избранницы. Приближенные к царю боярские кланы пытались оказывать давление на врачей, чтобы те подсказали царю «правильный» выбор. Такая ситуация сложилась в начале XVII в. при выборе невесты для молодого царя Михаила Федоровича Романова.

Эпизод придворной борьбы, получивший наименование «Дело Хлоповой» относится к началу 1616 г.⁴⁵ Интрига была направлена против царской невесты – Марии Хлоповой, которую на смотринах выбрал себе в жены молодой царь. Невест осматривали врачи и сообщали об их общем здоровье и возможности родить наследника престола. Царскую избранницу нарекли Анастасией в честь двоюродной бабки Михаила Федоровича – первой жены Ивана Грозного⁴⁶. Хлопова уже жила при дворце, когда у нее неожиданно обнаружилась болезнь, с подачи Салтыковых признанная неизлечимой. Видимо, М.М. Салтыков воспользовался своим положением судьи Аптекарского приказа для проведения необходимых действий. Доктор Валентин Бильс прописал царской невесте лекарство, которое «было записано в книгах, в аптекарской палате»⁴⁷.

Это средство не помогло несчастной, а, напротив, ухудшило ее состояние. В результате было принято решение отослать ее от двора, что и было сделано в конце июня – начале июля 1616 г. Через десять дней несостоявшаяся царица вместе с многочисленной родней была сослана в Сибирь. Салтыковы, видимо, опасаясь, что Хлоповы в будущем могут отодвинуть их от кормила власти, устранили нежелательного конкурента.

Однако, в сентябре 1623 г., когда из польского плена возвратился патриарх Филарет, по его инициативе был произведен сыск. В результате все эти обстоятельства выплыли наружу. Салтыковы подверглись опале и ссылке, царь лично допрашивал Бильса («государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии спра-

⁴⁴ НИА СПбИИ РАН. К. 24. Д. 25; НИА СПбИИ РАН. К. 238. Оп. 3. Карт. 57. Д. 1–2; Гриффин. 2010; Худин. 2015.

⁴⁵ Павлов. 2011; Martin. 2012.

⁴⁶ Теряя перспективу стать царицей из-за болезни, Мария теряла и имя Анастасия. См.: Успенский, Литвина. 2018: 65.

⁴⁷ Забелин. 1869: 229.

шивал в комнате дохтура Фалентина Петрова)⁴⁸, был допрошен лекарь Балсыр, а также сама несостоявшаяся царица Мария/Анастасия. В результате обман Салтыковых был раскрыт, их обвинили в измене, но повторно свадьба так и не состоялась⁴⁹.

Документальное оформление освидетельствования больных формировалось постепенно. Изначально результаты осмотров облекались в форму «сказки» (от слова «сказывать», сообщать) – т.е. сообщения, своего рода объяснительной записки. «Сказка» в свою очередь стала предшественником двух разновидностей медицинского делопроизводства: осмотра и рецепта.

ОТ «СКАЗОК» К «ОСМОТРАМ»: ОТ ПРИКАЗНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА К МЕДИЦИНСКОМУ

Первые «сказки» врачей датируются июлем 1643 г. «Сказки» не имели устойчивого формуляра и, судя по всему, составлялись в связи с конкретными запросами, касавшимся различных медицинских аспектов. До нас дошли, к примеру, «сказки» докторов о лечении болезни *angina*⁵⁰, «сказка и вымысл (т.е. рассуждение) всех <докто>ров о болезни, имянующейся ”роза”»⁵¹, «сказка, какую сырую траву кладут в питье, от которой травы холодит»⁵² и «сказка» о моровом поветрии⁵³.

«Осмотром» («досмотром») также назывался документ, составленный по итогам (или в процессе?) освидетельствования⁵⁴. Этот документ отправлялся в то ведомство, в юрисдикцию которого входил пациент. Ранее этот источник никогда не рассматривался в историографии и не выделялся в отдельную разновидность.

Впервые осмотр в бумагах Аптекарского приказа упоминается в «сказке», которую подал «нововъезжий Мекленбургской земли доктур Яганус Белово». В апреле 1643 г. этот доктор был послан к

⁴⁸ РГАДА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁴⁹ Павлов. 2011: 347–348; Martin. 2012: 177–178.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 131.

⁵¹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 129.

⁵² РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 132.

⁵³ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 133а.

⁵⁴ Подробнее о структуре формуляра осмотров см.: Каишанов С.М., Худин К.С. 2022: 492–493.

Григорию Горихвостову⁵⁵, по челобитью последнего. В тот же день доктор «сказал» судье Аптекарского приказа Ф.И. Шереметеву, что «ездил и смотрел» больного, а «болезнь у него в животе от слизких мокрот глиста большая»⁵⁶. Далее в тексте подробно изложены познания доктора о лечении этой болезни. Этот документ стал, на наш взгляд, переходной формой между «сказкой» и «осмотром».

Самые ранние осмотры (как источник) связаны с освидетельствованием трупов: убитого в Москве кравчего королевича Вольдемара в сентябре 1644 г.⁵⁷ и умершей на дворе протопопа кремлевского Благовещенского собора беременной женщины в январе 1658 г.⁵⁸

Как правило, указ об осмотре пациента давался именем царя, но встречаются случаи, когда указ исходил от царевичей, например от Ивана⁵⁹ или Петра⁶⁰ еще в царствование их брата Феодора Алексеевича.

Помимо царского указа, который обеспечивал формальную законность любой процедуры, существовал также реальный инициатор осмотра (человек или учреждение). В случае осмотра кравчего, в этом качестве выступил доктор королевича Вольдемара. В случае осмотра стрельцов он проводился по указанию из Стрелецкого приказа⁶¹ или же из Разрядного приказа при осмотре те подавали свои челобитные. Оттуда их прошения переадресовывались в Аптекарский приказ. Как правило, эти осмотры были связаны с необходимостью освидетельствовать негодность к службе.

В приказной иерархии, которая отражена в списках при выдаче жалованья, врачи располагались следующим образом. Доктора

⁵⁵ По всей видимости, это московский дворянин Григорий Иванович Горихвостов, участвовавший вместе с кн. Д.М. Пожарского в сражениях с отрядами пана Лисовского в 1615 г. Он был воеводой в Белгороде (1616–1617 гг.), Севске (1623 г.), Пельме (1629–1631 гг.). В 1633–1634 гг. ездил с посольством в Швецию и Польшу. В 1647 г. он стал ктиторм каменной Успенской церкви на Успенском вражке в Москве (ныне Газетный пер., 5) [Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в московском сенатском разрядном архиве. 1853: 98; *Кашкин*. 1912: 343; *Зорин*. 2014: 206.]

⁵⁶ Матерьялы. 1881–1884. № 149.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 141.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 300, 308.

⁵⁹ Матерьялы. 1881–1884. № 1387.

⁶⁰ Матерьялы. 1881–1884. № 1391.

⁶¹ Нам встретилось также упоминание Рейтарского приказа при осмотре рейтара [Матерьялы. 1881–1884. № 1303].

всегда занимают первую позицию, за ними следуют аптекари, затем окулист, и в самом конце списка – лекари (иностранцы), а затем так называемые русские лекари⁶². Последняя категория возникла после 1650-х гг., когда стрелецкие дети получили возможность проходить обучение в Аптекарском приказе у иностранцев. Сначала они получали статус лекарских учеников, а затем – русских лекарей⁶³.

Число врачей, проводивших осмотр, могло варьироваться от одного до трех. Это мог быть доктор или лекарь, или же врач-специалист (например, окулист), если того требовала специфика заболевания. Обычный состав врачебной комиссии состоял из доктора и лекаря (иногда двух лекарей: иноземца и русского). Есть также случай, когда вместе с доктором больного осматривал аптекарь.

Также сопровождать врачей могли переводчики и подьячие, которые вели записи. Подьячий Стрелецкого приказа Тимофей Антипов так сообщает о себе в 1659 г.: «посылают меня, холопа твоего, для твоего государева дела з дохтуры для досмотру больных и умерших людей»⁶⁴.

Выявить какую-либо корреляцию между статусом пациента и составом врачей пока не удалось. Можно предположить, что до известной степени это определялось конкретными обстоятельствами и местонахождением врача и пациента.

Чаще всего жалобы были связаны с застаревшими заболеваниями, обострениями старых ран и увечий, заболеваниями внутренних органов. Врачи указывают в осмотрах: «болезнь нутряная и дряхл и стар», «глух и дряхл и весь расслаблен», «глух – ничего не слышит – и нем – ничего не говорит, и дряхл, да к тому же стар», «да он же ... стар – болши штидесят лет, и за такими де болезни и за старостью государевой службы служить ему немочно»⁶⁵. Для стрельцов поводом к осмотру обычно становились их боевые ранения или иные травмы (например, полученные при тушении пожара)⁶⁶.

Особые опасения были связаны с моровыми поветриями и

⁶² Лохтева ошибочно считала «русскими» всех лекарей, носивших «русские фамилии», включая, например, лекаря Ивана Островского – смоленского шляхтича и бывшего подданого польской короны. См.: *Лохтева*. 1980: 143.

⁶³ См., напр.: РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 218. Л. 2.

⁶⁴ Матерьялы. 1881–1884. № 727.

⁶⁵ Матерьялы. 1881–1884. № 1416, 1477.

⁶⁶ Матерьялы. 1881–1884. № 1079, 1093.

различными кожными заболеваниями, которые связывались с различными болезнями. Ситуация обострилась во второй половине XVII в., после прокатившейся по России эпидемии чумы в 1654-1655 гг. В результате ее погибло множество жителей, в том числе приказные служащие, а царская семья была вынуждена эвакуироваться из Москвы сначала в Троице-Сергиеву Лавру, а затем в Калезин монастырь⁶⁷.

Потому пациентов с кожными заболеваниями или другими подозрительными симптомами досматривали особо пристально. Таких пациентов «доктор ... осматривал нагих», чтобы обнаружить, «что де на них никакой болезни нет, все в чистоте»⁶⁸. Особенно это касалось ситуаций, которые могли угрожать жизни и здоровью членов царской семьи.

Так, например, произошло с певчими дяками Федором Андреевым Новгородцем и Григорием Степановым. У одного из певчих дяков был найден лишай на лице – судя по всему это и послужило поводом к подозрениям. Целью их осмотра было установить «какие у них болезни, и от болезни они оздоровели-ль и можно-ль им в Верх (т.е. в царские покои. – К.Х.) ходить». Однако доктор счел это безопасным, так как «те де лишья бывают у многих людей, и ныне де им (певчим дякам. – К.Х.) в Верх ходить можно»⁶⁹.

Еще один пример противоэпидемических мер иллюстрирует ситуация вокруг смерти женщины на дворе протопопа Благовещенского собора Михаила. Беременная скончалась в ночь с 1 на 2 января 1658 г. и уже 2 января был произведен осмотр. Расследовал это дело дяк Герасим Дохтуров, а непосредственный осмотр производили доктор Лев Личифинус, лекарь Осип Боржо и подъячий Стрелецкого приказа Тимофей Антипин. Со 2 по 16 января все они вместе с протопопом были изолированы:

протопоп Михайло послан в свой дом, а дяку Гарасиму Дохторову и дохтуру Льву и лекарю Осипу и подъячему Тимофею Антипину велено быть на своих дворах и до государева указу съезжать им со своих дворов никуда не велено»⁷⁰.

Карантин продолжался две недели, хотя уже 6 и 7 января док-

⁶⁷ Звягинцев. 1937: 53; Селин. 2020: 21–22.

⁶⁸ Матерьялы. 1881–1884. № 1388.

⁶⁹ Матерьялы. 1881–1884. № 1387, 1388.

⁷⁰ Матерьялы. 1881–1884. № 778.

тора Андрей Энгельгарт и Артман Граман подтвердили, что смерть этой женщины никак не связана с эпидемией: «а моровых болезни от тово не бывает». Это оказалась болезнь, которую они именовали «золотуха или арзиколаас сшкорбустиком» (цинга), а доктор Андрей Матвеев обнаружил эту же болезнь у пациента, которого осматривал еще 24 декабря 1657 г.: «на загородном дворе боярина Бориса Ивановича Морозова человека ево больного у Акинфейки Мижужева»⁷¹.

Можно сделать вывод о существовании трех видов барьеров на пути инфекционных заболеваний, которые применялись в этот период:

1) Изолирование пациента. Эта мера становилась особенно важной, когда пациент входил в ближний круг приближенных царской семьи.

2) Изолирование врачей и иных лиц, участвовавших в осмотре подозрительного пациента. Врачи Аптекарского приказа могли контактировать также и с царской семьей, потому нельзя было допустить этого контакта.

3) Переписывание бумаг и допрос «через огонь»⁷². Эту процедуру можно описать следующим образом: «За заставой разжигался огонь, стоявший с зараженной стороны близ огня гонец читал документ, а находящийся по здоровую сторону подьячий должен был на слух записывать содержание»⁷³. Такие действия предпринимались на карантинных заставах, где расспросные речи переписывались на новую бумагу, а побывавшие в зоне эпидемии документы сжигались. Нам пока не удалось обнаружить упоминаний об этих мерах в Аптекарском приказе, но стоит считать такую практику вполне вероятной.

Подлинники, подписанные дьяком приказа и врачами (докторами или лекарями) отсылались в приказ, из которого поступил запрос. Копии («отпуски»), как уже было сказано, оставались в Аптекарском приказе и дошли до наших дней. О подписях на доку-

⁷¹ Матерьялы. 1881–1884. № 774.

⁷² «и про всякие вести и про моровое поветрее велети их за заставою роспрашивать через огонь. И велеть роспросные их речи за заставою переписывать на новую бумагу, через же огонь, и те их роспросные речи велети жечь, а на новой бумаге роспросные речи велети присыпати к себе в Киев. И те роспросные речи в Киеве велети переписывати на новую ж бумагу». Цит. по: Воссоединение Украины с Россией. 1953: 530.

⁷³ Селин. 2020: 35. Многочисленные упоминания подобных практик при карантинах см.: Селин. 2020: 38, 44, 119, 121, 124.

ментах всегда сообщается в памятях из приказов: например, «да тот допрос за дьячей приписью и за рукою того дохтура прислать в Розряд»⁷⁴, «да тот осмотр за лекаревыми руками и за дьячею приписью прислать в Стрелецкий приказ»⁷⁵, «да тот досмотр за дьячею приписью и за их дохтуровыми руками ... прислать в Рейтарский приказ»⁷⁶. Встречается также обобщенное название, когда не указывался социальный статус врача: «да тот осмотр за дьячею приписью и за осмотришковою рукою прислать в Стрелецкий приказ»⁷⁷.

Стоит отметить, что «сказки» как источник продолжали существовать наряду с осмотрами. Упоминание этих документов встречается еще в 70-х гг. XVII в.: «и о том взять у дохтуров и лекарей скаски за руками, и тот осмотр и скаски за дьячею приписью прислать в Розряд»⁷⁸.

РЕЦЕПТЫ КАК МАССОВЫЙ ИСТОЧНИК: РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

В последнее десятилетие появилось множество исследований на материале истории России XVI–XVIII вв.⁷⁹ Историки привлекали самые разнообразные материалы, но не рецепты, а также не рассматривали пациентов Аптекарского приказа как особую социальную группу. Филологи иногда использовали рецепты как источник для изучения медицинской лексики и номенклатуры лекарственных препаратов. Это дало ряд ценных наблюдений о структуре текста, особенностях перевода и пр.⁸⁰ Но информационный потенциал этого источника существенно шире.

Работа с комплексом рецептов Аптекарского приказа позволяет выявить упоминания неизмеримо большего числа пациентов XVII в. Использование количественных методов способствует тому, чтобы рассматривать не отдельные документы, а источниковые

⁷⁴ Матерьялы. 1881–1884. № 1139.

⁷⁵ Матерьялы. 1881–1884. № 1249.

⁷⁶ Матерьялы. 1881–1884. № 1303.

⁷⁷ Матерьялы. 1881–1884. № 1477.

⁷⁸ Матерьялы. 1881–1884. № 1325.

⁷⁹ Назовем лишь некоторые работы: *Савосичев А.А.* 2015; *Корзинин А.Л.* 2016; *Беляков А.В.* 2017; *Павлов А.П.* 2018; *Оборнева З.Е.* 2019.

⁸⁰ См., напр.: *Олехнович О.Г.* 2000; *Архипова И.С., Олехнович О.Г.* 2015; *Олехнович О.Г.* 2016.

комплексы. Это в свою очередь дает возможность получения новой метаинформации, которая обнаруживается при обработке статистически значимого количества документов.

Не считая значительного корпуса рецептов, прописанных королевичу Вольдемару и его свите в 1644–1645 гг.⁸¹, фактически первые известные нам рецепты⁸² были составлены для боярина Б.И. Морозова в 1661 г.⁸³. Ранее мы обнаруживаем лишь косвенные упоминания различных ингредиентов в хозяйственной документации Аптекарского приказа и упоминания о том, что то или иное лекарственное средство взято «про Государев обиход». Справедливости ради стоит отметить, что к тому же сентябрю 1661 г. относится один рецепт для боярина кн. Ю.А. Долгорукова, а к концу ноября — еще четыре рецепта для боярина И.Д. Милославского, а также по одному рецепту для стрельца Кирюшки Федорова и полковника Ф.Т. Зыкова против 18 рецептов для Морозова⁸⁴. Между тем после 1663 г. количество рецептов начинает возрастать в геометрической прогрессии – это уже не несколько рецептов, а десятки и сотни за один год. Наиболее поздние рецепты Аптекарского приказа датированы 1704 г.⁸⁵.

На сегодняшний день мне удалось выявить свыше 150 дел с рецептами второй половины XVII в. в архивах Москвы и С.-Петербурга. Каждое дело содержит разное количество документов: от 1 до 100-150 рецептов.

Рецепт – это датированный список лекарств для конкретного пациента, составленный доктором Аптекарского приказа на латыни, с комментариями на английском или немецком языке, а затем переведенный на русский язык. Сопоставление оригинала и перевода может дать дополнительную информацию, поскольку они не тождественны: переводчик опускал детали оригинала или же, напротив, дополнял⁸⁶. Тем не менее, оба текста имеют сходный формуляр, включающий: 1) дату; 2) список препаратов; 3) имя и

81 РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 208–212.

82 РГАДА. Ф. 396. Оп. 34. Д. 51878, 51894.

83 Рецепт 1693 г. ошибочно датирован в описи 1633 г. и не может считаться ранним. [РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 22].

84 РГАДА. Ф. 396. Оп. 34. Д. 51878, 51894.

85 РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1623.

86 Напр., в оригинале сказано, что лекарства выданы жене дьяка Зыкова, а в переводе назван только сам дьяк. См.: РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 956. Л. 24-29.

статус пациента; 4) имя доктора, составившего рецепт, и 5) имя человека, забравшего лекарства («курьера»⁸⁷). Часто в латинском или русском варианте фигурирует его отчество, что может оказаться полезным в идентификации по справочникам.

Хотя сам список лекарств составлял доктор Аптекарского приказа (например, «по росписи дохтура Ягана Костера зделаны составы»)⁸⁸, непосредственным изготовлением этого лекарства, как правило, занимался аптекарь – его имя также бывает указано особо (например, «оптекарь Ондрей делал»⁸⁹). В редких случаях, но все же встречается упоминание болезни, от которой собираются лечить пациента, но эти указания часто носят довольно общий характер (например, «принимать по бумашке за два часа перед лихорадкою в водке с ниже писанною»)⁹⁰. Поставить современный диагноз на их основе пока не представляется возможным.

В рецептах, отпущавшихся безденежно (о чем шла речь в начале данной статьи), как правило, не указана стоимость лекарств, но мы можем вычислить ее довольно приблизительно, привлекая такой источник как «Алфавитный перечень лекарств с обозначением их стоимости»⁹¹. Важно отметить, что почти всегда рецепт датирован доктором, причем в системе летосчисления от Рождества Христова. Сочетание всех этих факторов, а также фактически поденное составление рецептов позволяет дополнить и уточнить биографии множества людей XVII в.

Представляется, что в существенной мере определяли то, во сколько обойдется казне тот или иной рецепт, именно близость к царю и его семье. Иными словами, дорогие препараты использовали для привилегированных пациентов, а дешевые – для обычных. Таким образом, стоимость рецепта может отражать социальное положение пациента.

Состав людей, получавших лечение разнообразен: светская знать (от бояр до думных дьяков); приказные люди (дьяки и подьячие); духовенство (от вселенских патриархов до протопопов); слу-

87 Этот термин использует О.В. Новохатко применительно к людям, передавшим письма. См.: *Новохатко О.В.* 2018: 185–243. Нам представляется уместным использовать тот же термин.

88 ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 2. Д. 1641. Л. 4.

89 ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 2. Д. 1642. Л. 3.

90 РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1372. Л. 391.

91 РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1а.

жилые люди (от дворян до стрельцов), а также ремесленники и даже крестьяне⁹². Поскольку среди пациентов встречаются также и женщины⁹³ (причем не только царица и царевны), этот пласт информации позволяет лучше понять роль женщин в формировании каналов получения европейских медицинских знаний⁹⁴. Взаимоотношения между православным духовенством и врачами-протестантами, от которых они получали помощь, также нуждаются в некотором переосмыслении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Документы Аптекарского приказа позволяют по-новому взглянуть на пациентов в России XVII в. Эта социальная группа, сведения о которой ранее были разрознены по различным источникам, обретает свои очертания, и у исследователей появляется возможность наиболее подробно установить ее состав. Особенно ценным в этом отношении являются рецепты. Их массовый характер располагает к использованию количественных методов, позволяющих обобщить значительный массив данных и на этой основе реконструировать⁹⁵ социальный портрет пациента XVII в.: пол, возраст, статус. Также становятся видны их социальные связи – вертикальные и горизонтальные: с их родственниками, сослуживцами, земляками и пр. Проявляются каналы коммуникации, пронизывавшие русское общество XVII в. сверху донизу.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в московском сенатском разрядном архиве. М., 1853.

Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. 1651–1654 годы. Т. 3. М, 1953.

92. См., например: ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 2. Д. 1647. Л. 1; Д. 1660. Л. 1; Д. 1670. Л. 1. РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 705 (Л. 1); 747; 799; 804; 805; 833; 881; 956 (Л. 9а, 9б, 12, 13а, 24–29, 36, 37, 38, 70–71, 81, 83); Д. 1372 (Л. 266, 334, 376); РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 34. Д. 51878, 51894.

93. См., напр.: РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 750; 956. Л. 28–29; Д. 1235.

94. Об этом см., напр.: Худин К.С. 2013.

95. Худин К.С. 2017; Худин К.С. 2018; Худин К.С. 2020.

Матерьялы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг. / под ред. Н.Е. Мамонова. СПб., 1881–1884.

Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 г/, описанное самим бароном Майербергом. М., 1874.

Новомбергский Н.Я. Материалы по истории медицины в России. Т. 1. СПб., 1905.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею. Т. II (С 1581 по 1604 год) / под. ред. К.Н. Бестужева-Рюмина // Сборник Русского исторического общества. Т. 38. СПб, 1883.

Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и комм. А. Л. Топоркова. М., 2010.

Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА).

Ф. 110 (Сношения России с Грузией). Оп. 1. 1647 г. Д. 2.

Ф. 143 (Аптекарский приказ).

Оп. 1. Д. 1а, 22, 55, 60, 129, 131, 132, 133а, 141, 167, 178, 208–212.

Оп. 2. Д. 27, 37, 69, 70, 100, 156, 218, 300, 308, 705, 747, 750, 799, 804, 805, 833, 881, 956, 1235, 1372, 1623.

Оп. 3. Д. 3, 8, 22.

Ф. 146 (Розыскные дела). Оп. 1. Д. 9.

Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 20. Д. 229.

Ф. 396 (Архив Оружейной палаты).

Оп. 34. Д. 51878, 51894.

Отдел рукописей РНБ (далее – ОР РНБ).

Ф. 532 (Основное собрание русских актов и грамот). Оп. 2. Д. 1641, 1642, 1647, 1660, 1670.

Ф. 641 (Рихтер В.М.);

Научно-исторический архив С.-Петербургского института истории (Дом Н.П. Лихачева) РАН (далее – НИА СПбИИ РАН).

К. 116. (Коллекция Н.Ф. Романченко).

К. 249 (Коллекция московских актов).

К. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева).

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. (далее РО ИРЛИ РАН).

Ф. 166 (Майков Л.Н.).

Электронная база данных «The Casebooks Project» (URL: <https://casebooks.lib.cam.ac.uk/>).

ЛИТЕРАТУРА

Архипова И.С., Олехнович О.Г. Медицинский рецепт XVII в. как источник исторической лексикографии // Современные тенденции развития науки и

технологий. 2015. № 5–6. С. 10–13

Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб, 2017.

Гриффин К. Рог единорога: медицина и тайные средства при Московском дворе // ГИИМ: Доклады по истории 18 века – DHI Moskau: Vorträge zum 18. Jahrhundert. 2010. Т. 8. URL: http://pubman.mpdl.mpg.de/pubman/item/escidoc:2289832:3/component/escidoc:2289864/griffin_medizin.doc.pdf.

Жаринов Г.В. Записи о расходе лекарственных средств (1581–1582 гг.) // Архив Русской Истории. М., 1994. Вып. 4. С. 110–122.

Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869.

Звягинцев Е. Чума в Москве в XVII и XVIII вв. // Исторический журнал. 1937. № 2. С. 52–59.

Змеев Л.Ф. Первые аптеки в России // Медицинское обозрение. 1887. № 21.

Зорин А.В. Орловская битва и начальный этап рейда Александра Лисовского // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Материалы конференции. Ноябрь 2012 г. / Сост. И. Г. Бурцев. Тула, 2014.

Ипполитова А.Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: исследование фольклора и этноботаники. М., 2008.

Кашкин Н.Н. Родословные разведки. СПб., 1912

Корзинин А.Л. Государев двор Русского государства в доопричный период, 1550–1565 гг. М., 2016.

Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. М.; СПб., 2015.

Лохтева Г.Н. Материалы Аптекарского приказа – важный источник по истории медицины в России XVII в. // Естественнонаучные знания в Древней Руси / Сост. Р.А. Симонов. М., 1980

Медведь А.Н. Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб., 2017.

Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3.

Новомбергский Н.Я. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907.

Новохатко О.В. Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018.

Оборнева З.Е. Переводчики с греческого языка Посольского приказа первой половины XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2019.

Олехнович О.Г. Медицинская терминология в «Делах Аптекарского приказа» XVII в.: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Олехнович О.Г. Медицинский рецепт в России XVII в. // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии Материалы Всероссийской научно-учебно-методической конференции. 2016. СПб., С. 174–181.

Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. в 2 т. СПб, 2018.

Павлов А.П. Из истории придворной борьбы в царствование Михаила Федоровича («Дело Хлоповой») // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 6. С. 342–351.

Покровский А.А. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. М, 1913.

Портер Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб., 2008 [Пер. статьи *Porter R. The Patient's View. Doing Medical History from Below* // *Theory and Society*. 1985. Vol. 14. № 2. P. 175–198].

Рихтер В.М. История медицины в России. В 3-х тт. Т. 1. М., 1814.

Русский биографический словарь. Т. 8. СПб, 1897.

Савосичев А.А. Новые верники грозного царя: к вопросу о происхождении и социальных связях дьяков эпохи Ивана Грозного: опыт просопографического исследования. Орел, 2015.

Селин А.А. Московские карантин. Борьба с «морowymi поветриями» в XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020

Словарь русских народных говоров. СПб., 2002. Вып. 36.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987.

Снедирев В.Л. Московские слободы: очерки по истории Московского посада XIV–XVIII вв. М., 1956.

Соколовский М.К. Характер и значение деятельности Аптекарского приказа. СПб., 1904.

Успенский Ф.Б., Литвина А.Ф. Манифестация связи с правящим домом в женских именах: Ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 63–79.

Каишанов С.М., Худин К.С. Заболеваемость населения и врачевание. Эпидемии // Очерки исторической демографии России XI–XVII века. Т. 2. XVI–XVII века. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 483–502

Худин К.С. Документы Аптекарского приказа в собрании архива Санкт-петербургского Института истории (СПБИИ) РАН (1654–1655 гг.): по материалам «Коллекции московских актов» (к. 249) и «Коллекции Н.П. Лихачева» (к. 238) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 9 (152). С. 89–94.

Худин К.С. Лечение корнем «Заячье копыто» боярина Б.И. Морозова (1661 г.) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника 2: растения в языке и культуре / Сост. В.Б. Колосова. СПб., 2017. С. 383–390.

Худин К.С. Медицинские рецепты Аптекарского приказа XVII века как массовый исторический источник // Источниковедение в современной медиевистике. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 382–385.

Худин К.С. Рецепты Аптекарского приказа XVII в. как исторический ис-

точник: источниковедческий потенциал // История России с древнейших времен до XXI в.: проблемы, дискуссии, новые взгляды / Отв. ред. Ю.А. Петров, В.Н. Круглов. М., 2018. С. 44–49

Худин К.С. «Следственное дело о греке Дмитрие Селунском» 1652 г.: расследование одной смерти // Каптеревские чтения-11. Сборник статей. М., 2013. С. 157–167.

Цветаев Д. Медики в Московской России и первый русский доктор. Варшава, 1896.

Griffin C. Bureaucracy and Knowledge Creation: The Apothecary Chancery // Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia 1600–1850 / Ed. S. Franklin and K. Bowers. Cambridge, 2017. P. 255–286.

Griffin C. The Production and Consumption of Medical Knowledge in Seventeenth-Century Russia: The Apothecary Chancery. L., 2012. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/1388075/15/1388075.pdf>.

Dumschat S. Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland. Franz Steiner Verlag, 2006

Koroloff R. From Travniki to Travniki: Herbals, Herbalists and Knowledge about the Natural World in Seventeenth-Century Muscovy // Scientiae: Disciplines of Knowing in the Early Modern World. 2016

Koroloff R. Juniper: From Medicine to Poison and Back Again in 17th-century Muscovy // Kritica. Slavica Publisher. 2018. URL: <https://www.thefreelibrary.com/Juniper%3A+From+Medicine+to+Poison+and+Back+Again+in+17th-century...-a0563570046>.

Koroloff R. The Patriarch and the Apothecary: Planting Gardens and Making Miro in Seventeenth-Century Moscow // Sound and Scent in the Garden /Ed. F. Ruggles. Washington, 2017.

Levin E. The Administration of Western Medicine in Seventeenth century Russia // Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia / edited by Jarmo Kotilaine, Marshall Poe. L.; NY, 2004. P. 353–379.

Levin E. The Aptekarskii Prikaz and the Limits of Western Influence // The State in Early Modern Russia: New Directions. / Ed. Paul Bushkovitch. Bloomington, 2019.

Martin R. A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage in Early Modern Russia. Northern Illinois University Press, 2012. P. 169–182.